

Сергей ГОРЮНКОВ

О САМОМ ГЛАВНОМ

Сегодня уже для всех очевидно, что Западом против России развязана самая настоящая, и вполне успешная, информационная война. Но встают вопросы: а сами-то мы куда смотрели? Почему не создали свое информационное оружие? Почему допустили незащищенность российского общественного сознания? Почему оказалась возможной «ментальная оккупация России» (выражение А. Дугина)?

На все такие вопросы жизненно необходимо получить ответ. А первое, что приходит на ум в качестве ответа, — это научно-материалистическое мировоззрение, вот уже целое столетие являющееся в России руководящим принципом социальной политики и заставляющее рассматривать информационный мир идей как «надстроечный», то есть как второстепенный.

Но ведь и западноевропейская социальная политика разрабатывается не идеалистами. Более того: западноевропейский материализм намного жестче и последовательнее нашего, смягченного тысячелетней православной традицией. Так в чем же дело?

Чтобы разобраться в этой неувязке, нужно обратиться к очень важному, но до сих пор малоосознаваемому аспекту становления научного материализма. Его основы формировались, как известно, в ментальной атмосфере европейского Просвещения XVIII–XIX веков, в соответствии с которой высшим авторитетом, принадлежавшим ранее церкви, стала наука. Вместе же с наукой, «как ее „сестра“ и как продукт буржуазного общества, возникла идеология» (С. Г. Кара-Мурза. Идеология и мать ее наука). Конкретно это выразилось в том, что во Франции времен Великой революции был создан Институт «для изучения мыслей людей». Его основатели, первопроходцы в деле создания управленческих технологий, не без оснований утверждали, что «идеология должна изменить лицо мира» (там же). Подчеркиваю: идеология, а вовсе не экономический интерес, считающийся в современном материалистическом сознании главным двигателем социальных процессов.

Роль института высоко оценил Наполеон, сам бывший его членом и понимавший его политическое значение. Понимавший настолько, что идеологов, претендовавших на равноправное с ним участие во власти, укоротил своей статьей в газете, где выразился о них как о тех, «кто дурит людям голову» (там же). И уже одно это объясняет, почему комбинация из материалистического мировоззрения и идеологического дополнения к нему вовсе не была самостоятельным изобретением партийных руководителей

Сергей Викторович Горюнков родился в 1945 году в Ленинграде. Окончил Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им В. П. Мухиной. Член Союза художников России, график, автор иллюстраций к нескольким книгам. Член Союза писателей России, автор книг исследований по герменевтике фольклорных и литературных текстов, по проблемам когнитивного управления и др. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, консультант Отделения социальных технологий и общественной безопасности. Научный руководитель Общественного регионального когнитологического центра, автор научных публикаций по вопросам, связанным с теорией и историей культуры, с исторической семантикой, с проблемами структуры и динамики ментально-языковых процессов.

СССР. На самом деле она представляла собой давно и хорошо отлаженную технологию управления массовым сознанием.

Суть технологии заключается в контроле над свойством сознания принимать свое эмоциональное отношение к словам за их понимание. Когда, скажем, в начале XX века была поставлена задача сформировать в массовом сознании положительное отношение к слову «социализм» и отрицательное — к слову «капитализм», то второе стали увязывать с эксплуатацией человека человеком, а первое — с освобождением от такой эксплуатации. А когда в конце того же века было решено скомпрометировать первое слово и наделить положительным смыслом второе, то первое, соответственно, стали увязывать с «бесхозностью» и «нерентабельностью», а второе — с «предприимчивостью» и «эффективностью». То есть технология эффективна потому, что смысл любых понятий, в том числе таких, как «социализм» и «капитализм», всегда намного шире их текущих значений, — что и позволяет при желании играть словами, называя ту или иную западноевропейскую страну социалистической («шведский социализм», «швейцарский социализм»), а, скажем, нэповский СССР или ден-сяопиновский Китай — капиталистическими («государственный капитализм»). Но от игры словами рукой подать до их переосмысления — достаточно сообщить каждому слову нужный эмоциональный заряд, который и будет принят за «правильное» понимание смысла слова. А это значит, что все решает искусственно возбуждаемое эмоциональное отношение, положительное или отрицательное, к словам. Нужно лишь организовать это искусственное возбуждение с помощью политической пропаганды через средства массовой информации. Что и называется «информационным оружием» профессиональных идеологов.

При этом важно понимать, что на Западе комбинация из материалистического мировоззрения и идеологического дополнения к нему всегда работала и продолжает работать не так, как в России. На Западе материалистическое мировоззрение, освободившее личность от религиозных, этических, моральных и нравственных аспектов духовной культуры, стало рассматривать саму эту культуру как мощнейший управленческий инструмент («В чистом виде манипуляция массовым сознанием как большая организованная кампания сложилась во Франции. Здесь общество было подготовлено к слову „старого порядка“ полувековой работой Просвещения» — С. Г. Кара-Мурза). Россия же, в лице Советского Союза, искренне восприняв марксистскую форму материализма с ее делением культуры на «первичный базис» и «вторичную надстройку», продолжала тем не менее проявлять традиционное уважение к «надстройке» — к духовной культуре с ее этическими ценностями. А это и сделало российскую коллективную ментальность противоречивой — не такой жестко-последовательной, как на Западе, а значит, уязвимой в плане идейной конкуренции с ним.

Не говорю уже о том, что сегодняшние российские идеологи сознательно вводят общественность в заблуждение, приравнивая (по умолчанию) идеологию к мировоззрению.

ЕЩЕ ВАЖНЕЕ СЛЕДУЮЩЕЕ: информационный аспект духовной культуры никогда не смог бы быть использован в качестве инструмента управления массовым сознанием, если бы и вправду был «вторичной надстройкой». На самом деле он оказался — в свете новейших научных данных — особой формой смысловой реальности, обладающей собственным онтологическим статусом и собственной функциональной спецификой взаимодействия с физической реальностью (см., например, труды А. Д. Леонтьева, В. В. Налимова и др.). А тем самым было поставлено под сомнение качество научности самого материалистического мировоззрения. Причем сложившуюся кризисную ситуацию в сфере общенаучной методологии отлично понимал уже В. И. Вер-

надский, писавший в своем дневнике: «Психозы сейчас ярко проявляются. Часть диаматов и диалектиков, по-видимому, психически больны. Мне ярко рисуется часто: русские ученые должны работать, неся груз невежественных и больных диаматов и так называемых общественных работников, мешающих сколько возможно научной работе» (Вернадский В. И. Дневники. 1926–1934).

Предвижу возмущение: как можно называть психическим расстройством приверженность научному материализму, служившему в Советском Союзе теоретическим обеспечением построения общества социальной справедливости?! Очевидно, что здесь необходимо до конца определиться и с этим вопросом.

Часто утверждается, что крах Советского Союза был предопределен чисто экономическими причинами. Указывают также на усугубившие их управленческие ошибки того времени, а также на откровенное предательство партийной элиты. Но это все второстепенная, хотя и немаловажная сторона вопроса. А есть и его главная сторона, связанная со слабой «иммунной» спецификой советской коллективной ментальности.

Что это была за ментальность? Она вытекала, повторюсь, как следствие из эклектической комбинации двух разнородных мировоззренческих позиций. Одна позиция — это унаследованный народным сознанием от религиозных пластов прежнего духовного опыта и взятый советской властью на вооружение идеал социальной справедливости. Другая позиция — это не имеющий никакого отношения к идеалу социальной справедливости и вообще ко всей ценностной проблематике (как исторически обусловленной и потому «относительной») научно-материалистический взгляд на мир, согласно которому производная от экономических и политических интересов какой-либо социальной группы категория справедливости — явление *относительное, а значит, второстепенное* (см. у классиков научного материализма: для ответа на вопрос о справедливости «мы должны обратиться не к науке о морали или о праве и не к сентиментальным чувствам гуманности, справедливости или хотя бы милосердия... Социальная справедливость или несправедливость определяются лишь одной наукой, а именно наукой, которая имеет дело с материальными фактами производства и обмена — наукой политической экономии» — Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. См. также у К. Маркса: «Говорить... о „естественной справедливости“ — бессмыслица» — Карчагин Е. В. Справедливость и революция в социальной философии К. Маркса).

Разнонаправленность двух мировоззренческих позиций, насильственно сведенных в единую эклектическую конструкцию, и погубила в конечном счете советский проект. При этом «личные, „чисто человеческие оговорки“ (классиков. — С. Г.) ничего не меняли в официальном историческом монологе марксизма, оказавшегося непреклонным в своем догматическом оптимизме» (Панарин А. С. Народ без элиты). А то, что «брак» в теоретическом обеспечении проекта обнаружился далеко не сразу, объясняется просто: до поры до времени эклектика была малозаметна; пока малограмотный народ напрягался на стройках и гибнул на войнах, руководителям верили на слово — было не до теорий. Да и послевоенная трудная обстановка не располагала к ним.

Но вот настали более спокойные и сытые времена (так называемый «застой»), подросло новое, более образованное поколение, в сознании которого противоестественное совмещение двух разнородных мировоззренческих позиций начало постепенно давать сбои. То есть новое поколение если еще и не понимало, то уже интуитивно чувствовало, что в своих реально существующих формах советский проект определяется не столько официально заявленным идеалом социальной справедливости, сколько своим научным обоснованием — материалистическим мировоззрением. Мировоззрение же это, чуждое относительным в его трактовке ценностным понятиям, подспудно ориентировало массовое сознание на принципиально несовместимые с высо-

кими идеалами поведенческие установки: политика, экономика, наука — отдельно, мораль — отдельно.

В такой ситуации перед вождями страны остро встал вопрос о соответствии идеалов мировоззрению. Тут уже партийному руководству и его философской службе пришлось напрягаться всерьез: изобретать, с одной стороны, «марксистско-ленинскую этику», а с другой — обуздывать крепнущий молодежный цинизм с помощью еще одного наспех сляпанного рычага управления — «Морального кодекса строителя коммунизма». Но как известно, ни одна из этих мер себя не оправдала. Заказное словоблудие советских философов уже откровенно раздражало, а плагиат из новозаветных текстов лишь усиливал общественный нигилизм.

Этот-то нигилизм, насквозь пропитавший сознание огромной части советского общества и его верхов, и подкосил его. И он же открыто заявил о своем праве на существование к концу 1993 года, когда были доведены до своего логического завершения и юридически легализованы все скрытые, подспудные тенденции предыдущего политического строя. Все остальное — разочарование в идеалах, предательство элит и др. — закономерные следствия из сложившейся ситуации. В эпоху «перестройки» эти следствия были доведены до своего логического завершения и юридически легализованы.

Чтобы убедиться в правильности такого объяснения краха Советского Союза, достаточно задаться вопросом: почему невысокие по нынешним меркам привилегии коммунистических руководителей страны вызвали в народе настоящее озлобление против них, приведшее к отстранению их от управления, а пришедшая в 90-х годах на смену коммунистам власть, несмотря на свой нескрываемый криминально-олигархический характер, аналогичной (по силе внешнего проявления) реакции в народе не вызывает?

Ответ очевиден: народное озлобление вызывали вовсе не привилегии сами по себе, а лишь тот факт, что ими пользовались люди, претендовавшие — безо всяких на то моральных оснований — на роль «носителей идеологии социальной справедливости». Новая же власть в той ее форме, в какой она сложилась в 90-е годы, на роль идеолога социальной справедливости никогда не претендовала, и никто (из трезвомыслящих людей) от нее этого не ждал. И сейчас не ждет. Все отдают себе отчет в происходящем, все смотрят по телевизору одни и те же бандитские сериалы, и у всех на слуху прозвучавшая в одном из таких сериалов политтехнологическая формула: «У молодежи должны быть идеалы, а у стариков — бабло».

Не нужно только делать из всего сказанного о материализме скоропалительный вывод, будто любой человек, называющий себя материалистом, — циник и нигилист. В реальной жизни расхождение идеалов с исторически-изменчивым мировоззрением всегда проявляет себя с запозданием, — следствия из этого расхождения обнаруживают себя далеко не сразу. Человек, воображающий себя материалистом, на самом деле может являться таковым не потому, что на собственном жизненном опыте выстрадал данное мировоззрение, а потому, что бездумно усвоил его в школе и в институте. В личностном плане он может еще очень долго следовать идеалам, инерционно унаследованным от родителей, друзей и среды.

Этой-то бессознательной инерции мы и обязаны тем, что в массовой народной памяти советское время запечатлелось не только трагическими, но и светлыми своими сторонами. Ведь именно идеалом социальной справедливости определялся по преимуществу духовный настрой советского общества. Но не имея под собой должной мировоззренческой опоры, он был обречен на неадекватные формы своего воплощения и, как следствие, на угасание.

Ситуация усугублялась еще и тем, что научный материализм был преподнесен советскому обществу не в качестве одной из многих, на равных конкурирующих друг с другом картин мира, а в качестве «единственно верной» доктрины, нетерпимой по отношению к любому инакомыслию. По сути, он был навязан обществу силой и в этом смысле представлял собой уникальный эксперимент по перепрограммированию культурного кода целого народа. Причина же, по которой эксперимент растянулся на целое семидесятилетие, сводится к тому, что многодесятилетняя промывка мозгов научным материализмом приучила воспринимать эту форму мировоззрения не как обусловленную историческим временем теоретическую конструкцию, а как отражение самой объективной реальности. Такой она, по большому счету, воспринимается и сегодня. Хотя для самостоятельно мыслящих историков науки с самого начала не было секретом, что научный материализм — это не более чем философское построение, живое в конце XVIII и в середине XIX века, но уже в начале XX века ставшее «историческим пережитком» (В. И. Вернадский. Начало и вечность жизни).

С учетом всего вышесказанного пора признать, что реставрация социализма в России на прежней научно-материалистической основе была бы для нее самой большой и непоправимой ошибкой, какую только можно представить.

ТОЧНО ТАК ЖЕ, КАК В. И. ВЕРНАДСКИЙ, понимал природу материализма и покойный философ А. С. Панарин. Вот что он писал об этом предмете:

«Загадка „великих учений“ в том, что они, в отличие от великих мировых религий, дают легитимацию не лучших, а худших человеческих чувств... Марксизм легитимировал классовую зависть и ненависть; ленинизм в 1917-м — военное дезертирство, позволив трусам, капитулянтам и мародерам выступать в роли тех особо „классово сознательных“, которые раньше всех почувствовали, что пора прекращать трудную и опасную войну с грозным внешним противником в более легкую и многообещающую „войну с эксплуататорами“. Новое либеральное учение легитимирует повальную коррупцию, гражданскую безответственность, стяжательские инстинкты и даже прямое национальное предательство с помощью идеологии безграничного индивидуализма и „морали успеха“» (Панарин. Народ без элиты). Причем отмеченное Панариным предпосылочное сходство коммунистического и либерального учений тоже не случайно: «Исторический материализм (как и его облегченная версия — научный коммунизм) опирался на те же презумпции, что и классический либерализм: об объективных интересах различных общественных групп, о том, что эти интересы находят адекватное отражение в политическом сознании, которое формирует свои социальные заказы и политические проекты, об общественной эволюции как естественно-историческом процессе, подчиняющемся строгим законам и т. п. Различие с либерализмом касалось не столько мировоззренческо-методологических презумпций, относящихся к окружающей социальной реальности, сколько классовых симпатий и антипатий» (там же).

Но классовые симпатии и антипатии не существуют сами по себе, независимо от исповедуемого мировоззрения, — они либо адекватны, либо неадекватны ему. Во втором случае они свидетельствуют или об эклектичности теоретического мышления, или о сознательной демагогии. Именно поэтому «самая большая тайна, ныне скрываемая от нас новой господствующей идеологией (выдаваемой за „деидеологизацию“), состоит в том, что экономические отношения сами по себе не сплачивают людей» (там же). Потому-то и «необходимо заново переосмыслить, что же на самом деле представляет собой настоящее человеческое общество и чем оно действительно скрепляется» (там же).

Переосмыслению же препятствует агрессивная претензия материалистической науки на монопольное владение общественным сознанием. Отстаивая право этой пре-

тензии на монополизм, материалистическая наука систематически игнорирует несовместимые с ней факты или принижает их. Но тогда пора признать, что это давно уже не наука, а навязчивая идея. А предпочтение, оказываемое сознанием не фактам, а навязчивой идее, в медицине всегда считалось признаком шизофреничности этого сознания.

В данном случае речь идет о массовой шизофрении, которую поэтому уместнее интерпретировать не в клиническом, а в психосоциальном смысле (суть явления от этого не меняется). Образованный человек, любящий цитировать булгаковскую фразу о причине «разрухи в туалетах» и одновременно считающий себя материалистом, — вполне узнаваемый психосоциальный тип. Он может казаться очень профессиональным, выдавая свою виртуозную *игру словами* за «диалектику», давно превращенную в средство ухода от сложных вопросов (более «продвинутые» сошлутся на «синергетику»). Он может достичь высших степеней социального успеха и общественного признания, — но в общей шизофренической атмосфере это будет означать лишь его особую, максимально выраженную, адаптацию к данной атмосфере. Он может производить впечатление тонкого интеллектуала, — но, как заметил Пушкин, «тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки» (Смирнова-Россет А. О. Записки).

Психосоциальная шизофрения — это естественный результат неосознаваемости предпосылочной природы любых понятийных высказываний. От такой неосознаваемости и проистекает «разруха в головах», когда суждения субъектов говорения не имеют под собой надежных предпосылочных оснований или исходят одновременно из предпосылок, несовместимых друг с другом и даже противоречащих друг другу (на что и обратил внимание в своей вышеуказанной дневниковой записи В. И. Вернадский). Вместе с тем психосоциальная шизофрения — это завершающая фаза процесса, в ходе которого овладевшая массами навязчивая материалистическая идея, принятая за саму собой разумеющуюся предпосылку коллективного сознания, начинает — уже в обход этого сознания — предопределять логику вывода из нее всех остальных следствий. А поскольку конечным таким следствием оказывается доминирование в сознании ментальных установок типа «политика вне морали», «экономика вне морали», «наука вне морали», то и неудивительно, что в общей атмосфере психосоциальной шизофрении возникает соответствующий уклад жизнеустройства, пропитанный всеобщей асоциальностью, цинизмом, коррупцией и моральным разложением.

В этом смысле не будет преувеличением сказать, что научно-материалистическое учение впервые в истории человеческой мысли наукоподобно обосновало право человека и общества на бессовестность и безнравственность.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ переживает острый мировоззренческий кризис. Это видно из ее концептуальной несамостоятельности, из ее шатаний в выборе путей развития, из ее уязвимости перед новейшими формами информационно-психологических воздействий. Причина кризиса — идейный разброд в умах, разобраться в котором отечественное обществоведение не в состоянии потому, что изначально является некритически заимствованным на Западе научно-материалистическим мировоззрением, заставляющим «играть по западным правилам», то есть верить, что абсолютно все главнейшие вопросы человеческого бытия решаются исключительно экономическими средствами. А между тем для думающих людей давно уже не секрет, что научно-материалистическое мировоззрение со всеми его претензиями на диалектику — всего лишь ступенька на пути к законченному экономикоцентризму: от предварительной компроматации духовности (как «надстроечной» — вторичной, несущественной) к созданию

«экономического человека, которому безразлично все, что не имеет товарного статуса и меновой стоимости» (Панарин А. С. Народ без элиты), идет ли речь о Боге, о совести, о национальном интересе или о государственном суверенитете.

Иначе как разновидностью духовной болезни это некритическое отношение российской научной общественности к материалистическому мировоззрению и не назовешь. А что касается альтернативы ему, то, ничуть не принижая значения экономических стратегий, целесообразнее все-таки исходить из следующей, эмпирически оправданной, предпосылки.

Образ мышления людей, характер их поведения, направленность интересов и выбор целей целиком зависят от их понимания мироустройства и своего места в нем. Но само понимание этого места у разных людей разное. Например, этические требования, налагающие ограничения на права и свободы личности, воспринимаются одними людьми как нечто само собой разумеющееся, а другими — как досадные иллюзии, мешающие «быть свободными».

Источник второго умонастроения — это историко-материалистическое мировоззрение, основанное на вульгарно-механистической схеме развития «от простого к сложному, от низшего к высшему». А источник первого умонастроения — это, как считается, заимствованное тысячу лет назад у Византии православие.

Казалось бы, оно и должно эффективно противостоять материалистическому образу мышления. Но как заметил еще Ф. М. Достоевский, православная церковь находится «в параличе со времен Петра Великого». А ее сохраняющееся влияние на умы объясняется скорее исторической инерцией и унаследованными от предыдущих поколений ментальными установками, нежели подлинной убеждающей силой.

Как следствие, современное общественное сознание России представляет собой эклектическую смесь из двух никак не соприкасающихся друг с другом тенденций: из той материалистической, что направлена на разрушение прежней — православной — культуры, и из той православной, что пытается противостоять своему разрушению. Причем противостояние тенденций не сопровождается сколько-нибудь заметным торжеством второй. И понятно почему: ведь выбор между бездумной верой в «научность» материализма и такой же бездумной верой в «букву» священных текстов — это не более чем хорошо известная в манипулятивных технологиях ловушка псевдовыбора между двумя крайностями одного и того же полужнания. А конечный результат псевдовыбора оборачивается явлением, которое выдающийся философ и политолог А. С. Панарин назвал «тайной русской неприкаянности». Тайной, которая выражается в метании из крайности в крайность и за которой угадывается интуитивная неудовлетворенность обеими тенденциями.

Неудовлетворенность религиозным аспектом культуры вполне объяснима: за всю свою историю церковь так и не сумела окончательно подняться с уровня «убивающей буквы» своего учения на уровень его «животворящего Духа» (II Кор. 3: 6), на котором только и возможно снятие противоречий как между различными религиями, так и между ними и наукой. А неудовлетворенность научным материализмом объяснима тем, что все его претензии на «научность» имеют своим первоисточником, как уже сказано, вульгарно-механистическую схему развития. Именно с этой схемой генетически связаны и зомбирующая мантра «Бытие определяет сознание», и неприятие традиции взглядом на историю как на «отмирание старого и рождение нового», и глубоко ошибочное представление о духовной культуре как о лишенной собственного исторического развития «надстройке», и преждевременная претензия на «объективное» восприятие реальности, и многие другие основополагающие постулаты научного материализма. К тому же об изначальной ущербности научного материализма говорит его отношение к этическим ценностям как «относительным», то есть как условным.

Неудивительно, что «к концу первой четверти XX века некоторые философы и представители конкретных наук столкнулись с ситуацией, когда фундаментальные открытия XIX – начала XX века в физике, химии, биологии вошли в противоречие с господствовавшей механистической парадигмой объяснения строения мира и мировоззренческими представлениями о месте и роли в нем человека. Тогда для наиболее прозорливых из них стало понятно, что господствующая система взглядов и представлений о мире не соответствует реалиям наличного бытия, что новые открытия в области конкретных наук и сама практика жизнедеятельности человека реально меняют место и роль человека в природе и обществе. Эти исследователи стали настойчиво утверждать, что старые мировоззренческие представления уже не позволяют адекватно реагировать на вызовы времени, а следовательно, и не соответствуют потребностям дальнейшего развития общества. Перед человечеством встала проблема формирования качественно новой мировоззренческой парадигмы, т. е. становления соответствующей системы представлений о месте и роли жизнедеятельности человека в нем» (Олейников Ю. В. Становление новой мировоззренческой парадигмы).

Данное высказывание — это одно из многих, подобных ему современных свидетельств осознания того, что сегодняшняя Россия стоит перед поистине революционной задачей синтетического переосмысления всего накопленного ею духовного опыта. Ей крайне необходимы качественно новые, реально работающие на оздоровление и консолидацию массового сознания, цели и способы их достижения. Выход же на них способен обеспечить лишь радикальный пересмотр тех неосознаваемых или малоосознаваемых предпосылок, которыми «запрограммировано» современное коллективное, в том числе научное, мышление. Именно к такому пересмотру призывает современный ученый, социолог, теоретик науки и публицист С. Г. Кара-Мурза: «Сегодня задачей любого мыслящего человека является демистификация моделей и анализ их истоков. Мы должны пройти к самым основаниям тех утверждений, на которых они базируются и к которым мы привыкаем из-за идеологической обработки в школе и в средствах массовой информации» (Идеология...).

А тут уже сразу вспоминаются прогнозы В. И. Вернадского: «То, что казалось логически и научно неизбежным, в конце концов оказалось иллюзией, и явление предстает нам в таких формах, которые никем не ожидалось»; «Мы подходим к очень ответственному времени, к коренному изменению нашего научного мировоззрения»; «Ясно, что жизнь неотделима от космоса, и ее изучение должно отразиться, может быть, очень сильно, на его научном облике»; «Начала жизни... мы не знаем и нигде указаний на его существование не видим»; «Идея вечности и безначальности жизни — помимо ее космических представлений — давно проникает научное мировоззрение отдельных натуралистов... Но сейчас эта идея получает в науке особое значение, так как наступает момент истории мысли, когда она выдвигается вперед как важная и глубокая основа слагающегося нового научного мировоззрения будущего»; «Ход развития человеческой мысли вполне аналогичен естественным процессам, то есть совершается не по законам человеческой логики, а по своим неведомым и непредвидимым нами путям»; «Может быть, мысль, основа личности, бессмертна».

В свете таких прогнозов религиозный аспект культуры начинает выглядеть как та ее историческая форма, развитие которой оказалось временно заторможено на почве идеи «непознаваемости бога». Идеи, вовсе не обязательной для настоящего религиозного сознания («Преподобный Максим Исповедник говорит, что если мы имеем в образе Божиим Разум, то должны стать мудрыми, как премудр Бог». И если человек создан по образу и подобию Божьему, то «в подобии черты образа Божьего должны раскрыться, развиваться и достичь своего совершенства» — «Православная газета»,

№ 17/445, август 2011). А «Бог» в свете такого взгляда на него — это религиозное понятие, которому на научном языке соответствует концепция «изначальной сложности мира».

Материалистический же аспект научной мысли — это ее тупиковое (основанное на механистических предпосылках) направление, не признающее идеи изначальной сложности мира. Именно поэтому современная ситуация в науке представляет собой эклектическое совмещение позавчерашней (XVIII–XIX веков) общенаучной картины мира и огромного количества противоречащей ей новейшей фактологии. Поэтому же смысловыми аналогами религиозной антитезы «убивающая буква — животворящий Дух» являются строго научные антитезы «текстовые варианты — инвариант» или о «языки-объекты — метаязык». И поэтому же до сих пор теплятся неустрашимые надежды на смену мировоззренческой парадигмы, предсказанную еще В. И. Вернадским.

Надежды связаны с тем, что обновленная методологическая позиция избавит общество и от столетнего гипноза мантры «Материя первична, сознание вторично», и от веры в «букву» любых текстов (включая их освященные религиозной традицией варианты). Только она, эта обновленная методологическая позиция, поможет преодолеть внушенный нам сто лет назад страх показаться «идеалистом» и окончательно оправдает взгляд на разумную деятельность как на ключевой фактор в общей картине живого («антропного») космоса. Только строго операциональный подход к изучению структуры и динамики ментально-языковых процессов позволит окончательно расстаться с ловушкой псевдовыбора между наукой и религией, сохранив при этом — но уже на качественно новом уровне — социальные функции и той, и другой. Только высвобождение из этой ловушки позволит понять, что «воздаяние за деяния» — не пережиток религиозного сознания, а форма выражения закона сохранения информации. Только новые методы изучения коллективного сознания научат нас профессионально противостоять манипулятивным технологиям и побеждать в информационно-психологических войнах. Только смена предпосылок на более адекватные действительности раскроет нам глаза на реальную сложность смысловой организации языка; только она объяснит, что подлинная идейная мотивировка людей намного богаче и религиозной, и классовой, и национальной, и экономической и что так называемый «здравый смысл», считающийся средством спасения от всевозможных иллюзий и социальных утопий, — всего лишь наивная претензия на «объективное отражение реальности», временная форма смысловыражения текущего момента в истории культуры.

В конечном же счете только новая, более адекватная действительности мировоззренческая парадигма сможет минимизировать идейный разброд в умах и оздоровить тем самым общую атмосферу коллективной ментальности — сплотить нас духовно.